

---

Н. С. РОЗОВ

## ОРГАНИЗОВАННОЕ НАСИЛИЕ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ И УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ГУМАННЫХ ПОРЯДКОВ

*Один из важнейших аспектов социальной эволюции состоит в изменении порядка и практик организованного насилия (прежде всего государственного и полицейского, военного, революционного и контрреволюционного). Обзор главных сдвигов в порядках организованного насилия и отношения к нему в обществах разных исторических эпох позволяет выдвинуть гипотезы о социальных и культурных факторах этой динамики. Обзор структурирован схемой последовательных фаз социального развития и соответствующих эпох мировой истории, в каждой из которых доминировали общества определенной фазы (модификация и синтез схем Р. Карнейро, И. М. Дьяконова, Р. Коллинза, Дж. Модельски и др.). Эволюция организованного насилия включает процессы взаимодействия во внешней и внутренней политике. Ход этих процессов во многом определяется мировоззрением, моральными, религиозными, идеологическими ценностями и принципами доминирующих групп, а также институциональными рамками, установленными в результате преодоления кризисов. Установление гуманных порядков предполагает возникновение институтов, обеспечивающих надежную защиту жизни, прав и свобод, достоинства каждого индивида, что означает прежде всего эффективный правовой контроль над насилием и прекращение войн. Намечены принципиальные условия становления гуманных порядков во внутренней политике и международных отношениях.*

**Ключевые слова:** *организованное насилие, фазы социального развития, эпохи мировой истории, модернизация, периоды турбулентности, коллегиальное разделение власти, международное право, современный гуманизм, гуманные порядки.*

### **Значимость сферы насилия и контроля над насилием в социальной эволюции**

Человек всегда находился под угрозой индивидуального насилия, а начиная с появления политий, имеющих военную силу (вождеств и особенно государств), социальные порядки стали включать организованное насилие, которое использовалось для разбоя, заво-

еваний, для защиты от подобной же внешней агрессии, а также для политического контроля над членами своего же сообщества. Изменения в сфере организованного насилия, будучи важнейшим аспектом и фактором всего хода мировой истории, обсуждаются с разных точек зрения (Карнейро 2006; ван Кревельд 2006; Дьяконов 2007; Норт и др. 2011; Коллинз 2015; Malešević 2017; Пинкер 2021 и др.).

Классическое веберовское определение государства как организации с монополией легитимного насилия на территории указывает как раз на фундаментальную роль организованного насилия в порядках, достигших уровня цивилизации (то есть с государственностью, городской культурой и развитой письменностью).

Для выявления базовых условий динамики насилия и контроля над ним следует выделить наиболее существенные сдвиги в этой сфере от эпохи к эпохе в мировой истории.

### **Основания для структурирования истории: критерии доминирования обществ и фазы социального развития**

Эпохи мировой истории определяются доминированием в них обществ (в том числе коалиций ведущих держав) определенной фазы развития, или «стадии социальной/политической эволюции» (Карнейро 2006; Дьяконов 2007; Розов 2019а). Доминирование обществ проявляется при столкновениях: доминирующими считаются стабильно побеждающие и ведущие завоевания (в геополитике), колонизирующие и эксплуатирующие (в геоэкономике), навязывающие свои верования, ценности, образцы, а также служащие образцами для добровольного подражания (в геокультуре).

В различных макросоциологических концепциях (McNeill, 1963; Sanderson 1995; Карнейро 2006; Дьяконов 2007) обосновываются примерно сходные представления о причинах доминирования одних обществ над другими. В соответствующей периодизации всемирной истории (Розов 2001: 222–305) выделены следующие десять критериев доминирования обществ и их порядков (Он же 2019а: 264):

#### *Фактор универсального значения*

1. Уровень политической эволюции. Развитие структур и институтов, обеспечивающих остальные факторы доминирования (2–10).

#### *Факторы геополитического доминирования*

2. Организация и масштаб военной силы, уровень развития коммуникаций, таких как транспорт, связь, средства наблюдения.

3. Уровень развития самостоятельного производства вооружений.

4. Способность создавать и поддерживать альянсы (уровень развития дипломатии) и обеспечивать внешнюю и внутреннюю легитимацию (политический аспект религий и идеологий).

*Факторы геокультурного доминирования*

5. Уровень накопления и развития знаний, в том числе заимствования и творческой разработки разного рода знаний и практик (мировоззрение, философия, наука, когнитивный аспект технологий).

6. Уровень развития способов удовлетворения духовных, эмоциональных, эстетических потребностей (религия, моральные учения и искусство).

7. Развитие способов инкультурации (воспитание, обучение, образование, социальная информация и пропаганда).

*Факторы геоэкономического доминирования*

8. Развитие способов воспроизводства (характер обеспечения новых циклов и новых этапов производства).

9. Развитие способов перераспределения и обмена (порядок обеспечения потребностей в условиях экономико-географического разнообразия).

10. Уровень развития техники и технологий (в мирной сфере).

С учетом этих факторов выделены крупнейшие стадии социального развития:

- *первобытность* с бродячими относительно эгалитарными группами, стойбищами и деревнями охотников, собирателей, рыболовов;

- *варварство* с вожествами (чифдомами), которые характеризуются социально-политической иерархией, зачатками сословий;

- *ранняя государственность* с формальной и воспроизводящейся базовой административной структурой, столичным городом, сословиями, полифункциональной и не разделенной по родам войск армией, жречеством, зачатками письменности, церковных организаций и бюрократии;

- *зрелая государственность* с обширными империями, первыми мир-экономиками и союзами торговых городов, феодальными иерархиями, рентными отношениями, ростовщичеством, торговым капиталом, развитой письменностью, прозелитическими «вселенскими» церквями;

- *«современные»* («модерные») общества, переживающие модернизацию с различными траекториями и темпами.

Очевидно, что разные общества проходили эти стадии в разное время. В каждую эпоху мировой истории сосуществовали общества разных стадий, сущность и основная динамика каждой эпохи задавалась доминировавшими обществами, их взаимодействиями (войнами, союзами, обменами) между собой и с завоеванием, эксплуатацией, покровительством более слабых обществ. Доминировали же те, кто достигал преимущества по главному критерию – уровню политической эволюции, который неизменно позволял «подтянуть» остальные девять параметров (см. выше).

### **Эпохи мировой истории и этапы глобальной модернизации**

Нельзя оставить без внимания антропогенез и бесписьменную преисторию, где сфера насилия также играла важную роль во взаимодействиях внутри тогдашних обществ – бродячих групп, деревень, чифдомов, а также и между ними (Карнейро 2006; Джонсон, Эрл 2017; Розов 2022).

Эпохи разделены обширными кризисами («великими трансформациями», см.: Sanderson 1995; Коллинз 2015). После начала глобальной модернизации (примерно с 1500 г.) эти эпохи обретают статус *этапов модернизации*. Разделяющие их кризисы концептуализированы как *периоды турбулентности*: сочетания обширных революционных волн и череды крупных войн с участием ведущих региональных и мировых держав (Гринспен 2010; Розов 2019б).

Эти периоды турбулентности характеризуются не только общим ростом насилия. Они завершаются установлением новых принципов, правил осуществления насилия и контроля над ним в новых доминирующих и служащих образцами обществах (Модельски 2003).

Далее будем судить о насилии и контроле над насилием в каждой соответствующей эпохе на основе данных, известных по изученным реконструированным обществам, которые доминировали в этих эпохах.

Вместе с долгим периодом турбулентности как «предмодерном» (условно 1500–1648 гг.) начинается крупная эпоха глобальной модернизации. В работе (Розов 2019в) приведены основания ее раздела на следующие этапы.

- *Ранний модерн* со становлением абсолютизма, претендующего на безграничный контроль монархической власти над политико-правовым порядком и культурной (тогда – религиозной) жизнью в своей стране, с зачатками сквозной («полицейской») государст-

венности, то есть административного, налогового и даже морального контроля над каждым подданным (середина XVII – начало XIX в.).

- *Классический модерн* со сквозной государственностью, когда под административный контроль (подушевой учет) попадают все подданные/граждане и приезжие, по крайней мере в интенции. Тогда же нарастает борьба за гражданское, социальное равенство в разных измерениях (начало XIX – конец XX в.)

- *Поздний модерн* с продолжением тех тенденций в прогрессе науки и технологий, бюрократизации, капиталистической (пост)индустриализации, но с обращением вспять некоторых трендов (срыв демократического «транзита», десекуляризация и новый подъем религиозного фундаментализма). Этот период характерен также всполохами турбулентности в форме локальных войн (Ирак, Сирия, Ливия, Афганистан, Карабах, Украина) и революционных волн (где самая крупная – «арабская весна»). Каковы отличительные качества и принципиальные следствия этого периода, прояснятся только по его завершении.

### **Насилие в антропогенезе и первобытности: самоодомашнивание и становление трайбализма**

В сфере социальных отношений и насилия главным сдвигом на ранних этапах антропогенеза (3–1,6 млн л. н.) стал переход от внутригруппового доминирования агрессивных альфа-самцов, утверждавших монополию на лидерство и доступ к самкам, к относительно эгалитарным коалициям самцов и самок (мужчин и женщин у сапиенсов) в каждой группе при установлении запретов на внутригрупповое насилие (Wrangham 2019; Розов 2022: 77–105).

На поздних стадиях (250–40 тыс. л. н.) эта вынужденная сплоченность, солидарность групп протосапиенсов, позже ранних и средних сапиенсов (типа кроманьонцев) стала дополняться установлением дружественных межгрупповых отношений, позволявших вести обмен (в частности, ценного сырья для орудий, украшений) и соединять усилия в столкновениях с врагами (Розов 2022: 204–207).

В эпохи мезолита и неолита группы и альянсы поздних сапиенсов (они же – первобытные сообщества, последние из которых дожили в изоляции на этой стадии до 1970–80-х гг.) практиковали в отношении чужаков набеги и грабежи, охоту за головами, снятие скальпов, канныализм, человеческие жертвоприношения и другие

«дикие обычаи», которые отнюдь не считались предосудительными. При этом, судя по всем этнографическим описаниям и антропологическим реконструкциям, внутри групп и альянсов строго контролировалось выполнение норм допустимого насилия (Джонсон, Эрл 2017). Собственно, в этом и состоит суть трайбализма: относительно мирный, дружественный порядок отношений внутри сообщества (альянса, племени) при допустимости, даже одобряемости любых степеней жестокости в отношении чужаков.

### **Насилие в обществах ранней и зрелой государственности**

Образование первых государств (политогенез) было итогом войн за землю на географически или социально стесненных территориях между обществами, уже овладевшими земледелием (Карнейро 2006). Внутри таких обществ с аграрно-принудительными порядками и ранними формами государственности практики организованного насилия определялись жесткой сословной стратификацией: военно-политическая элита (правитель, его расширенная семья и дружина) возвышалась над массой крестьян, ремесленников, а также некоторого числа рабов, захваченных в результате войн.

С одной стороны, уровень государственного насилия и устрашения насилеием варьировал в разных обществах в зависимости от этнической, языковой, религиозной близости/дальности между благородным и низшими сословиями. С другой стороны, насильственные практики вкупе с духовным (религиозным) доминированием неизменно служили поддержанию полного политического господства элиты и легитимировали экономическую эксплуатацию.

С трудом складывалась монополия на легитимное насилие. При успехе, о котором можно судить по первым сводам законов, появлялись ограничения, которые способствовали хотя бы частичной защищенности членов общества (вернее, мужчин как глав домохозяйств), но не бесправных рабов (Дьяконов 2007; Malešević 2010; Пинкер 2021).

Зрелая государственность характерна для больших империй, управление которыми требовало более развитых форм: аппарата чиновников, более эффективных способов сбора ресурсов, в том числе в денежной форме, регулярной армии с родами войск, гарнизонами, обучением офицеров.

Главный тренд состоял в росте нормативной упорядоченности применения насилия, что фиксировалось во все более детализован-

ных сводах законов, в развитии практик следствия и судопроизводства.

Империи существенно различались между собой в плане словной сегрегации, соответствующей жестокости государственного насилия. Достаточно привести полярные примеры кастовой разделенности в королевствах Индостана и относительной солидарности, даже риторики «равенства» единоверцев в обширных мусульманских, христианских и буддийских империях. Так, известный достаточно высокий уровень безопасности торговцев, странствовавших между Самаркандом, Хивой, Багдадом, городами Магриба, был возможен благодаря сложившемуся в империях ислама религиозному порядку внешнего (правового) и внутреннего (морально-го) контроля над насилием, особенно в отношении «правоверных».

### **Предмодерн и «дикость Средневековья»**

В Западной, Южной и Центральной Европе период с начала XVI в. до середины XVII в., названный здесь «предмодерном», представляет собой яркий пример «великой трансформации» (Sanderson 1995). Традиционные империи и королевства с феодальными иерархиями, династические альянсы, военно-торговые конфедерации и федерации (Коллинз 2015: 222–236) превращались в национальные, зачастую абсолютистские, государства.

События и процессы Реформации, внутренних и международных религиозных войн полностью подпадают под определение «период турбулентности» (см. выше). Тлеющие и вспыхивающие мятежи, прецеденты массового насилия с религиозной риторикой при самой разной подоплеке – все они были тогдашней формой революционных волн (Розов и др. 2019: 69–86; Голдстоун и др. 2022). Не меньший вклад в турбулентность этого периода делали жестокие, в том числе масштабные и опустошительные, войны между ведущими державами и их коалициями.

Нельзя обойти вниманием практики государственного насилия этого периода – пытки и костры инквизиции, колесования, четвертования, вывешивание трупов – все, что впоследствии стало символизировать «дикость и ужасы темного Средневековья».

Степень brutality этих практик вряд ли сильно отличалась от насильственных обычаев прошлых эпох, разве что повысились изощренность и техническая оснащенность. Учтем также парадоксальный фон: в то же время широко распространялись идеи гума-

низма и Реформации с соответствующим ростом грамотности и общей культуры.

Здоровое социологическое объяснение «средневековой жестокости» (Malešević 2010) представим таким образом. Крестьянские мятежи, религиозный протестантизм, всевозможные ереси (как антивластные идеологии того времени) представляли собой серьезные *вызовы-угрозы* для главного *предмета заботы* правящих и духовных элит: сохранения господства, политического режима и легитимирующей его религии. Однако достаточных *обеспечивающих структур* для преодоления этой угрозы еще не было: ни разветвленной полиции, ни развернутой бюрократии для подушевого учета подданных, ни эффективных систем образования и пропаганды.

Поэтому стала применяться ответная стратегия устрашения, которая при повторях сама институализировалась (в частности, через развитие уже существовавшего института инквизиции), обрела персонал палачей, впечатляющими орудиями пыток и казней, становилась особой частью социального порядка – обеспечивающей структурой для поддержания политического и духовного господства как главного предмета заботы.

### **Ранний модерн – дворянская честь и «благородные» войны**

Начиная с XVII в. в Европе стали учреждаться и расти суверенные государства – предтечи будущих национальных государств (Тилли 2009). Началась эпоха галантности, дворянской чести и благородства (вспомним мушкетеров), когда бурное развитие вооружений, способов ведения войн сочеталось с волнами мод (как правило, парижских), начавшимся расцветом философских и научных идей (от Декарта и Спинозы до Вольтера, Ньютона и Лейбница), бурно растущим колониализмом и уже хорошо видимым развитием капитализма с банками, биржами, мануфактурами, а затем и паровыми машинами.

В последующем веке Просвещения главный сдвиг в сфере насилия состоял в разделении между «модерными» нормами приличий, уважения к чужому достоинству, ограничения насильственных практик внутри «цивилизованных», «просвещенных» (читай – христианских) обществ и весьма жестоких, исполненных циничной рациональности практик подавления непокорных «диких» туземцев – «язычников», которых было не зазорно массово убивать, натравливать друг на друга, поработать, наживаться на работорговле и рабском труде.



### **Классический модерн – череда кризисов на фоне прогресса**

Следует заметить, что идеи Просвещения вплоть до перелома Французской революции и Наполеоновских войн никак нельзя назвать доминирующими даже во Франции, Голландии, Англии и Пруссии – тогдашних флагманах европейской модернизации. Французская революция совершила кардинальный перелом в устранении сословности и прокламировании гражданского равенства. Поэтому примерно с начала XIX в. этот пришедший из Североамериканских штатов принцип стал с разной скоростью и известными препятствиями распространяться в Европе, а затем по всему миру.

Снижение внутреннего насилия в обществах модерна парадоксальным образом связано с массовостью и общегражданским характером войн западных обществ с конца XVIII в. Следует обратить внимание на то, что само распространение идей гуманности и гражданского равенства происходило отнюдь не гладко и мирно, а, напротив, через десятилетия беспрецедентных на то время масштабов насилия. Про революционные и наполеоновские войны после Французской революции хорошо известно. Однако продвижение американских ценностей свободы и равенства также сопровождалось немалым насилием.

Новая американская республика приступила к серии собственных насильственных конфликтов. В дополнение к американской Войне за независимость (1775–1783), этот ряд включает ранние и последующие войны с индейцами, Первую и Вторую берберийские войны против Марокко, Ливии/Триполитании и Алжира, войну 1812 г. против Британской империи, Американо-мексиканскую войну (1846–1848), Флибустерскую войну в Никарагуа (1855–1857), Первую и Вторую войны Кортины (1859–1861) против Мексики, а также различные краткие вторжения на Фиджи, Суматру, в Центральную Америку и Китай (Вторая опиумная война, 1856–1859). Как и во французском случае, здесь организованное насилие было направлено внутрь страны и вовне. Главными жертвами внутреннего насилия стали коренные американцы (индейцы), которые были в значительной степени истреблены новым государством и поселенцами (Malešević 2017: 122).

Как же связать идеи гражданского равенства, естественных прав, демократии, принципы государственной/полицейской защиты жизни и достоинства каждого гражданина с неугасающими вол-

нами организованного насилия в международных и гражданских войнах, жестокой эксплуатацией внутри обществ?

Паттерны внутреннего насилия, так же, как и в прошлых эпохах, были заданы линиями социальной сегрегации. Если раньше различие проводилось между христианами и язычниками, то с XIX по середину XX в. главным основанием допустимости массового угнетения и насилия стали расовое превосходство и будто бы естественные для высших рас «цивилизованность», «просвещенность», способность к «прогрессу».

Красивые лозунги «свобода, равенство, братство» относились прежде всего к «своим» – к нации, гражданам. «Враги нации» во Франции, индейцы как «дикие, жестокие варвары» и негры («предназначенные своей расой быть рабами») в Америке в круг этих «своих» в первые десятилетия после революций не попадали. Соответственно, нормы естественных прав, гражданского равенства и братства на всех этих «чужих» не распространялись.

Тем более это касалось внешних военных противников, будь то антиреволюционная, позже антинаполеоновская коалиция европейских держав для Франции или берберы (жители Северной Африки), мексиканцы, никарагуанцы, испанцы для США. Судя по всему, здесь имел место классический эффект внутреннего сплочения как следствия конфликта с внешним противником (Г. Зиммель, Л. Козер).

В XIX в. те же идеи гражданского равенства, республиканизма, конституционализма и революционности в соединении с бурной урбанизацией и скоплениями эксплуатируемого пролетариата в промышленных центрах привели к подъему рабочего движения, социально-политическим кризисам и волнам революций.

Имперские амбиции и противостояние им, острая борьба европейских великих держав за колонии и контроль над торговыми путями порождали войны, которых не могли предотвратить попытки создания стабильных систем безопасности в Европе (Священный союз, «Европейский концерт», «Союз трех императоров», Антанта) и довольно частые международные конференции. Кризисы не препятствовали бурному прогрессу в науках и технологиях, возможно, даже ускоряли его.

Важнейшими вехами были отмена рабства в США и крепостничества в России, подъем движения за женское равноправие (суфражистки, затем феминистки). Однако в отношении сословий, рас,

этничности, пола еще предстояла долгая борьба, которая во многих обществах не завершилась по сию пору.

### **Равенство, неравенство и порядки насилия в позднем модерне**

Окончилась ли эпоха модерна? Отнюдь. Главные составляющие никуда не делись. Вовсе не исчезли национальные государства, продолжает развиваться и даже «пухнуть» бюрократия (в том числе надгосударственная, в ООН, ЮНЕСКО, ЕС и не только). Государство проникает во все новые сферы жизни граждан, активно применяя новейшие технологии. Отметим, что мотивы взрывов насилия, а в США кризисов, беспорядков в связи с борьбой против сегрегации (движения Оссиу, Black Lives Matter и др.) связаны с теми идеями классовой борьбы, гражданского равенства, которые характерны как раз для классического модерна.

### **Каковы причины снижения насилия в обществах модерна?**

Моральный и правовой прогресс, рост гуманности порядков и обществ обычно рассматриваются с точки зрения развития ценностей и появления соответствующих ограничительных норм. Для европейской традиции указывают на роль христианства, принципа веротерпимости, идей Просвещения, гражданского равенства, политического участия, правил ведения войн и т. д. (Пинкер 2021; Linklater 2016). Указывают также на «пользу» создания все более опасного и смертоносного оружия, что через принцип «баланса» приводит к более мирным порядкам (Назаретян 2008).

Однако само по себе появление и даже распространение новых гуманистических идей не производит существенных сдвигов в масштабе насилия. На поле боя стороны уверенно применяют все более совершенное оружие. Пока что негласный мораторий установлен на ядерные удары, но сила этого запрета активно подрывается в публичной риторике угроз.

Корректный подход состоит не в изобретении каких-либо «вечных законов» или неумолимых универсальных «трендов», а в исследовании условий усиления и угасания практик организованного насилия, в том числе военных.

Одним из важных достижений макросоциологии является обнаружение, прослеживание зависимости изменений социальных порядков и соответствующей ментальности от геополитических

процессов по принципу причинности «извне-внутри» (Коллинз 2015).

Так, Н. Элиас и Ч. Тилли объясняли генезис абсолютизма и обществ модерна на основе представлений о закономерном сдвиге ресурсов к государству от феодальной землевладельческой элиты, соответствующей монополизации легитимного насилия из-за развития военных технологий и объективного принуждения конкурировавших политий к концентрации силы (Элиас 2001: 91–194; Тилли 2009: 110–146). Сосредоточение силы и легитимного насилия в централизованном государстве (вначале в форме абсолютистских монархий) приводило, в свою очередь, к росту социального контроля над насилием внутри общества и соответствующим установкам – способностям его членов к самопринуждению.

Действительно, в каждой новой фазе социальной эволюции возрастал контроль над индивидуальным насилием, с началом модернизации («долгий XVI век») появился и неуклонно усиливался полицейский аппарат, расширялись его функции (Филиппов 2011). Параллельно в ментальном порядке все больше интериоризировались внешние социальные нормы, особенно связанные с контролем над насилием – «цивилизующий процесс», развитие «диффузной власти» и «имманентной морали» (Элиас 2001; Манн 2018). Успешность этой интериоризации прямо зависит от включенности в сети солидарности, причем такие, где индивидуальное насилие и нарушение закона отвергаются как противоречащие общим святыням и ценностям\*.

Каждый прогрессивный сдвиг в контроле над насилием был результатом не столько сознательных целеустремленных действий по реализации задуманных проектов (например, республики, веротерпимости, устранения рабства, преодоления расизма), сколько удачного стечения обстоятельств, складывания благоприятных условий, результатов «естественной» (никем не запланированной) исторической динамики. Этот момент *естественного складывания* всегда

---

\* Неслучайно во многих странах Запада тюрьмы наполнены представителями тех расовых, этнических групп, где солидарность основана на иных началах. Не только в социальных группах, но и в целых странах, где по каким-то причинам бюрократические, полицейские формы контроля, каналы внушения ненасильственных установок не работают (не восприняты, отторгаются), преобладают прежние жестокие формы насилия: от регулярных побоев в семье и пыток в тюрьмах до кровавых мятежей и революций. Слабость эффективного контроля на международном уровне оставляет возможности для войн и терроризма.

сопутствовал моменту *искусственного конструирования* (реализации заранее задуманных проектов) и в дальнейшем будет его сопровождать.

Представим набор гипотез, обобщающих социологические и исторические наблюдения (Элиас 2001; Норт и др. 2011; Коллинз 2015; Malešević 2010; 2017).

- *Условия появления новых практик насилия.* При возникновении вызова-угрозы или вызова-возможности, когда активизация имеющихся ответных стратегий и обеспечивающих структур показала их бесполезность, при наличии или появлении в арсенале ингредиентов насильственной практики, при наличии потенциальных идейных оснований для оправдания насилия (прежде всего для дискредитации, ментального отчуждения, «расчеловечивания» его предполагаемых жертв), а также при положительном подкреплении первых опытов применения (Скиннер 1986) новые практики насилия, связанные с ними отношения, институты, организации становятся *ответной стратегией на все подобные вызовы* и главной *обеспечивающей структурой* для соответствующих предметов заботы.

- *Устойчивость воспроизводства практик организованного насилия* предполагает следующие условия: предметы заботы, особенно значимые для элит и влиятельных групп, успешно поддерживаются такими практиками; доминирующее в обществе мировоззрение (религия, идеология, система ценностей) оправдывает принятые практики организованного насилия и дискредитирует, дискриминирует по тем или иным признакам его потенциальных жертв; институты и организации, осуществляющие насилие, богаты ресурсами, легитимны, интегрированы с элитами.

- *Условия установления ограничений и запретов на практики насилия.* При появлении идей, противоречащих принятым практикам насилия, и при политическом выигрыше вооружившейся этими идеями коалиции, экономические, престижные властные, геополитические интересы которой также противоречат допущению этих практик, будут введены соответствующие ограничения и запреты.

- *Условия свертывания ранее распространенных практик насилия* включают: рост издержек от привычных практик насилия (прежде всего делегитимация применяющих такое насилие властей как «диких», «тиранических» и т. п.), нахождение успешных альтернативных ответных стратегий и обеспечивающих структур, поз-

воляющих поддерживать предметы заботы без этих практик, распространение установок их неприятия. За данными процессами следуют дискредитация институтов, разрушение организаций, которые реализовали эти практики.

Условие более глубокого уровня состоит в том, что побеждавшие в конфликтах коалиции брали на вооружение идеи, ограничивающие насилие. Социологически идущий прогресс в контроле над насилием в ходе глобальной модернизации (пусть и не всегда последовательный) объясняется совместным действием нескольких факторов (Коллинз 2015: 259–303; Розов 2018):

а) *секуляризация* подрывала абсолютные («священные») основания применения сословного, классового и колониального насилия со стороны аристократических элит и метрополий, она же открывала путь развития и распространения принципов «естественных прав», сменяемости власти по результатам выборов, что существенно ограничивало возможности организованного насилия для элит;

б) продолжавшаяся *капиталистическая индустриализация* повышала влияние буржуазии, заинтересованной как в ликвидации сословных привилегий (особенно ярко во Французской революции), так и в расширении рынков труда, земли и капиталов (в Голландии, Англии, США, Франции и далее во всем западном мире), что вполне согласовывалось с принципами гражданских свобод;

в) сильные рабочие, профсоюзные движения в XIX–XX вв. заставляли с собой считаться, поэтому политические элиты, нуждавшиеся в низовой поддержке, провозглашали уже привычные гражданские и демократические ценности и в какой-то мере должны были им следовать, попав во властные структуры.

#### **Пути установления гуманных порядков внутри обществ и в международных отношениях**

Нелегитимное насилие внутри обществ и войны противоречат принципам современного гуманизма (Гусейнов 1992; Kurtz 2000), которые объединены в *антропростасии* – идее и норме защиты свободной и полноценной жизни, прав, достоинства индивидов нынешнего и всех будущих поколений (Розов 2019в).

Человечество, увы, не движется надежно и закономерно к Утопии, прогрессу разума, точке Омега, миру без насилия, либеральному «концу истории», как это представлено в многочисленных

классических философских текстах многочисленных авторов, от Т. Мора до Ф. Фукуямы. Тот же благонамеренный порыв мы находим в современных научных трудах (Назаретян 2008; Пинкер 2021).

Первая четверть XXI в. в очередной раз показывает, что дело не столько в том, чтобы достичь «земного рая», сколько в том, чтобы избежать «земного ада».

Составляющие «земного ада» известны – это самые антигуманные состояния, явления, события, причем рукотворные: агрессивные международные и гражданские войны, особенно с геноцидом, государственный террор с узаконенными репрессиями и пытками, кровавые революции и подавление их реакцией, рабство, долгий хаос и безвластие с высоким уровнем насилия.

Продолжается перманентное испытание человеческого рода (с отнюдь не очевидным успехом) на способность к созданию *гуманных порядков*, при которых такие явления не допускаются либо встречают дружное и убедительное противодействие. *Такое состояние с высоким уровнем контроля над насилием возможно лишь при установлении верховенства права как во внутреннем устройстве общества, так и в геополитике* (ср.: Кант 1994: Положение 7).

С одной стороны, есть солидные аргументы в пользу тезиса о том, что граждане получают наиболее надежную защиту своих прав и свобод при высоком уровне *коллегиального разделения власти* и инклюзивного участия граждан в политике (Коллинз 2015: 206–224; Розов 2008).

С другой стороны, мир без войн будет возможен только при учреждении *системы международных судов*, исполнение вердиктов которых подкреплено обязательствами сильнейших и наиболее авторитетных мировых держав (Кант 1994; Камаровский 1881; Розов 2023).

Такого рода идеи преодолеют опасность стать очередными благонамеренными утопиями и фантазиями, только если их воспримут общественные движения, элиты, международные коалиции. При этом главную роль будут играть именно те лидеры внутри общества и на внешней арене, которые достигли доминирования при разрешении кризисов и восстановлении стабильности после шока турбулентности, соразмерного прошлым крупнейшим революционными волнам и двум мировым войнам. Ни скорого, ни гарантированного складывания событий подобного рода в обозримом будущем ожидать не приходится.

Можно быть уверенными только в том, что значимую роль при таком глобальном успехе и уверенном установлении *гуманных порядков* будет играть широкое осмысление интеллигентными и политическими элитами прошлых поворотов мировой истории в аспекте организованного насилия и контроля над ним.

### *Литература*

**Голдстоун, Дж. А., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В.** 2022. Волны революций XXI столетия. *Полис. Политические исследования* 4: 108–119.

**Гринспен, А.** 2010. *Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы*. М.: Юнайтед Пресс. 550 с.

**Гусейнов, А. А.** 1992. Этика ненасилия. *Вопросы философии* 3: 72–81.

**Джонсон, А., Эрл, Т.** 2017. *Эволюция человеческих обществ: от добывающей общины к аграрному государству*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара. 548 с.

**Дьяконов, И. М.** 2007. *Пути истории*. М.: КомКнига. 384 с.

**Камаровский, Л. А.** 1881. *О международном суде*. М.: Типография Т. Малинского. 542 с.

**Кант, И.** 1994. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. В: Кант, И., *Собр. соч.*: в 8 т. Т. 8. М.: Чоро. С. 12–28.

**Карнейро, Р.** 2006. Теория происхождения государства. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*: сб. ст. Волгоград: Учитель. С. 55–70.

**Коллинз, Р.** 2015. *Макроистория: очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС. 504 с.

**Кревельд, М. ван.** 2006. *Расцвет и упадок государства*. М.: ИРИСЭН. 544 с.

**Манин, М.** 2018. *Источники социальной власти*: в 4 т. М.: Дело.

**Модельски, Дж.** 2003. Объяснение долгих циклов в мировой политике: основные понятия. *Война и геополитика. Время мира* 3. Новосибирск: НГУ. С. 455–485.

**Назаретян, А. П.** 2008. Насилие и ненасилие: сравнительно-исторический взгляд. *Историческая психология и социология истории* 1: 8–32.

**Норт, Д., Уоллис, Дж., Вайнгафт, Б.** 2011. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара. 479 с.

**Пинкер, С.** 2021. *Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше*. М.: Альпина диджитал. 1550 с.

**Розов, Н. С.**

2001 (ред.). *Время мира*. Вып. 2. *Структуры истории*. Новосибирск: ОИГГМ. 520 с.



2008. Коллегиально разделенная власть и условия поэтапного становления демократии в России. *Полис. Политические исследования* 5: 74–89.
2018. Когда началась эпоха модерна и закончилась ли она? *Сибирский философский журнал* 16(2): 63–74.
- 2019а. *Философия и теория истории*. 2-е изд. Кн. 1. Прологомены. М.: ЛЕЛАНД. 608 с.
- 2019б. Эпохи турбулентности и их преодоление. *Полития* 1: 81–96.
- 2019в. Антропростасия (защита человека) – этическое ядро гуманизма. *Этическая мысль* 19(1): 141–156.
2022. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали когнитивные и речевые способности. Новосибирск: Манускрипт. 355 с.
2023. Возможно ли верховенство права в геополитике? *Полис. Политические исследования* 1: 159–172.
- Розов, Н. С., Пустовойт, Ю. А., Филиппов, С. И., Цыганков, В. В.** 2019. *Революционные волны в ритмах глобальной модернизации*. М.: URSS, Красанд. 408 с.
- Скиннер, Б. Ф.** 1986. Оперантное поведение. В: Гальперин, П. Я. (сост.), *История зарубежной психологии. Тексты*. М.: МГУ. С. 60–95.
- Тилли, Ч.** 2009. *Принуждение, капитал и европейские государства, 990–1992 гг.* М.: Территория будущего. 324 с.
- Филиппов, А. Ф.** 2011. Несколько тезисов о действии, порядке и полицейском государстве. *Сократ* 3: 6–11.
- Элиас, Н.** 2001. *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования*. Т. 1. М.; СПб.: Университетская книга. 332 с.
- Kurtz, P.** 2000. *Humanist Manifesto: A Call for a New Planetary Humanism*. Amherst, NY: Prometheus Books. 76 pp.
- Linklater, A.** 2016. *Violence and Civilization in the Western States-Systems*. Cambridge: Cambridge University Press. 580 pp.
- Malešević, S.**
2010. *The Sociology of War and Violence*. Cambridge: Cambridge University Press. 376 pp.
2017. *The Rise of Organised Brutality: A Historical Sociology of Violence*. Cambridge: Cambridge University Press. 340 pp.
- McNeill, W.** 1963. *The Rise of the West: A History of the Human Community?* Chicago: University of Chicago Press. 829 pp.
- Sanderson, S.** 1995. *Social Transformations: A General Theory of Historical Development*. Hoboken, NJ: Blackwell. 452 pp.
- Wrangham, R.** 2019. *The Goodness Paradox: The Strange Relationship between Virtue and Violence in Human Evolution*. New York: Pantheon. 400 pp.